

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СОСТАВЕ УЧЕНИКОВ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКОЙ АКАДЕМИИ

А. И. РОГОВ

Цель настоящего сообщения — рассмотрение вопроса об ученическом составе Славяно-греко-латинской академии и о положении учеников в начальный период ее существования — с 1687 г. до 20-х годов XVIII в., когда начинается превращение Академии в специальное духовное учебное заведение¹, а поэтому и уменьшается ее значение в культурной жизни страны.

Этот вопрос до сих пор не получил должного освещения в исторической литературе, между тем сведения такого рода содержатся в ряде опубликованных материалов², а также в архивных фондах, среди которых важнейшее значение имеют греческие дела Посольского приказа, хранящиеся в ЦГАДА (первыми преподавателями Академии были греки и поэтому многие документы, связанные с Академией, попадали именно в греческие дела). Некоторые данные об учениках в XVII в. находятся в австрийских делах Посольского приказа (братья Лихуды были связаны с Веней), а также в Приказных делах старых лет, где имеются документы о жаловании учеников.

Несравненно больше архивных материалов имеется об учениках, учившихся в Академии в первой четверти XVIII в. В Сенатских книгах (по ведомствам Коллегии экономии, Монастырского приказа и Синода), хранящихся в ЦГАДА, имеются данные о количестве обучавшихся в Академии в различные годы³, дела о вызове учеников из Академии для посылки за границу; «о произведении в чин» после окончания Академии; жалобы учеников. Подобные документы имеются и в фонде Синода (ЦГИАЛ), которому подчинялась Академия.

Архив самой Академии за начальный период ее существования не сохранился. Однако поскольку она была размещена в Заиконоспасском монастыре, а ее ректор являлся в то же время архимандритом монастыря, то немало документов, относящихся к Академии и ее ученикам, оказалось в фонде этого монастыря (ЦГАДА). Среди них особое значение для выяснения такого важного вопроса, как социальный состав учеников, имеют «Премемории из конторы следования мужеска полу душ», а также дела об учениках Академии, являвшихся беглыми крестьянами.

В момент открытия Академии (октябрь 1687 г.) общее число обучающихся в ней составляло 104 человека. Из них в низшей школе, т. е. в школе «словенского книжного писания», училось 23 человека⁴. Большинство учеников (81 человек) были уже подготовлены к прохождению среднего и высшего образования. Часть учеников пришла в Академию, проучившись в Типографской (открыта в 1682 г.) и Богоявленской (открыта в 1685 г.) школах⁵. Уже к 20 апреля 1688 г., менее чем за полгода, число учащихся возросло до 164 человек. К 20 апреля 1688 г. ученики по школам распределились следующим образом: в верхней — 24 человека, в средней — 19 человек, в низшей — 120 человек (из них 100 в школе «словенского книжного писания» и 20 в школе «греческого книжного писания»). Кроме того, в книгах Патриаршего казенного приказа названы еще 5 учеников Академии без обозначения класса, в котором они обучались⁶. В Академию приходилось принимать и неподготовленных учеников, ибо с ее открытием

¹ См. С. К. Смирнов. История Славяно-греко-латинской Академии, М., 1855; М. Сменцовский. Братья Лихуды, СПб., 1899 и др.

² См. И. Е. Забелин. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, т. 1, М., 1884 (далее — «Материалы»); ДРВ, т. VI, «Академическая привилегия 1682 г.»; т. XVI, Ф. Поликарпов. Историческое известие о Московской Академии.

³ Такие же сведения находятся в фонде Монастырского приказа (ЦГАДА), которому до образования Синода, была непосредственно подчинена Академия.

⁴ «Материалы», т. I, стр. 1044.

⁵ ДРВ, т. XVI, стр. 298; «Материалы», т. I, стр. 1044.

⁶ «Материалы», т. I, стр. 393.

Типографская и Богоявленская школы прекратили свое существование⁷. К рождеству 1689 г. количество учащихся достигло 181 человека⁸.

Несмотря на такое резкое увеличение числа учеников, в Академии, судя по источникам, продолжало оставаться всего два учителя — братья Лихуды. Как же практически преодолевались трудности, связанные с недостатком преподавателей? Французский путешественник де ля Невилль, побывавший в Москве в 1689 г., пишет, что учителей в Академии было 20⁹. Вполне вероятно предположить, что Невилль принял за учителей некоторых из учеников верхних школ, которые, в помощь Лихудам, вполне свободно могли заниматься в низших классах преподаванием русской грамоты, греческого языка и т. д., не фигурируя в то же время в документах в качестве учителей. Не случайно Лихуды в некоторых из своих курсов сообщали ученикам методические приемы преподавания (см., например, «Латинскую грамматику») ¹⁰. Одного из учеников Академии, бывшего одновременно и преподавателем «нисших» школ, мы знаем по имени. Это Федор Никитин, у которого 128 человек обучалось «словенской грамоте» ¹¹. Учителем называл себя уже в 1693 г. Федор Поликарпов ¹². Когда Лихуды были удалены из Академии (1694 г.), их немедленно смогли заменить на преподавательской работе ученики Николай Семенов и Федор Поликарпов, которые в течение пяти с половиной лет преподавали грамматику, пинтику и риторику ¹³. Ученики Лихудов становились учителями не только в самой Академии. Некоторые из них в начале XVIII в. трудились в качестве преподавателей в новгородском греко-славянском училище.

В дальнейшем, в 90-х годах XVII в. и первой четверти XVIII в., число учеников в Академии колебалось от 150 до 600 (более точные сведения, к сожалению, отсутствуют). При этом, чем старше был класс, тем меньше в нем было учеников. Так, в 1710 г. при общем числе учеников в 147 человек, в классе философии был 21 человек, а в классе богословия — всего 13 ¹⁴. В 1717 г. в славяно-русской школе было 72, а в классе богословия — 3 ученика ¹⁵. Это явление объясняется тем, что немало учеников в первой четверти XVIII в. уходило из Академии, не закончив курса обучения в ней. Обычно эти ученики переходили в другие школы — медицинские, математические, инженерные ¹⁶. Особенно охотно принимали бывших учеников Академии в медицинские школы, так как они хорошо знали латинский язык. Чуть ли не каждый год 10—20 человек отправлялись либо в Петербург к доктору Блюменструту, либо в Московскую «гошпитальную» школу к доктору Бидло, либо в адмиралтейские аптеки ¹⁷. Необходимо учитывать также, что некоторых учеников посылали изучать науки за границу, не дожидаясь, пока они кончат академический курс. Это уже не было добровольным переходом в другую науку. В 1716 г. по распоряжению Сената было послано пять учеников Академии в «Персиду... тамо учиться языкам, турецкому, арабскому и персидскому» ¹⁸. В 1717 г. три ученика были отправлены во Францию «для наук литерных». Живя в Париже, эти студенты (Иван Горлецкий, Тарас Постников и Иван Каргопольский) «учинили поспешество в философии, во французском языке и других науках» ¹⁹.

Весьма разнообразным был национальный состав учеников. Преобладали в Академии, разумеется, русские из самых различных городов России. Упомянутый Нико-

⁷ Официального указа о закрытии этих школ не было, но с момента открытия Академии они не упоминаются в источниках.

⁸ «Материалы», т. I, стр. 393.

⁹ Де ля Невилль. Любопытные и новые известия о Московии. «Русская старина», 1891, № 11, стр. 265.

¹⁰ Обзор курсов см. С. К. Смирнов. Указ. соч., стр. 49.

¹¹ «Материалы», т. I, стр. 301.

¹² Е. Барсов. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. ЛЗАК, вып. VI, СПб., 1877, стр. 25.

¹³ ДРВ, т. XVI, стр. 301.

¹⁴ ЦГАДА, Монастырский приказ, ф. 237, кн. 86, 1710, л. 1.

¹⁵ С. К. Смирнов. Указ. соч., стр. 181.

¹⁶ В 1718 г. в математическую школу ушло 5 человек (ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 1, № 108, лл. 12об., 14—15об.).

¹⁷ Обычно ученики забирались из Академии с разрешения Монастырского приказа (позже — Синода) и, конечно, с ведома ректора. Об этом сохранилось несколько дел в фондах Синода и Заиконоспасского монастыря. См., напр., ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 2, № 1189, лл. 1, 3—3об., 30, 31.

¹⁸ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 516, л. 11.

¹⁹ ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 3, № 1038, л. 1.

лай Семенов происходил из Нижнего Новгорода²⁰. Учился у Лихудов какой-то новгородец²¹, а также житель Переяславля Рязанского — Степанов²² и т. д.

Среди учеников Академии были грузины. По имени нам известен только один — иеромонах Киприан²³. Лихуды собирались даже перевести на грузинский язык один из своих учебников грамматики²⁴. В этот период укрепления связей между Грузией и Россией многие выдающиеся государственные и культурные деятели Грузии проживали в Москве, где в 1705 г. вышла первая печатная грузинская книга «Псалтырь»²⁵.

К сожалению, сохранилось ничтожно мало сведений об обучении в Академии в XVII в. южных славян. Пока из них мы знаем только одного — македонца иеродиакона Стефана. Больше сведений имеется об учениках греках. В числе их был, например, Асонко Кононов, который в 1691 г. вместе с «гостинные сотни Григорьем Боковым... выехал к Москве из Турской земли... для научения русской грамоте ко иеромонахам учителям Лихудам»²⁶. Среди учеников-греков в Академии XVII в. был еще Дионисий Дмитриев, племянник Лихудов, приехавший вместе с ними в Москву, а также некие Христофор и Анастасий²⁷.

В конце XVII в. в Академии соби́рался учиться русскому языку сын австрийского цесарского посланника Курца²⁸. В первой четверти XVIII в. сами студенты в своих доношениях, по тому или иному поводу посылавшихся ими в Сенат, писали, что в Академии, кроме русских, учатся и «страннопришельцы»²⁹. За 1719—1720 гг. в списке учеников Академии значились три поляка (Петр Вероцкий и Григорий Лобач, имя третьего не названо)³⁰. В 1728 г. в классе богословия поляки составляли даже половину всех учеников³¹. Был среди учеников Академии и литовец (Иосиф Яновский, 1719 г.)³². В 1713 г. Академию окончил иеромонах Лаврентий, приехавший в свое время из Семиградской земли (Трансильвании)³³. В 1721 г. ректор Академии специально запрашивал Синод, как поступать с желающими учиться в Академии иностранцами: «А которые из иноземцев приходят в ...школы дабы как их принимать и крепить, о том бы в Святейшем Синоде резолюцию учинить»³⁴. Ответ Синода был следующим: «Приходящим иноземцам в славяно-греко-латинские школы, которые желают быть в науке, и таковых, ежели они в службу Его Императорского Величества присягу учинят вечно, принимать их и трактament (т. е. жалованье.— А. Р.) давать против русских. А ежели присяги... не учинят, таковым учиться не возбранять, точию им трактamenta не давать»³⁵.

Подобных вопросов никогда не возникало в связи с пребыванием в Академии представителей нерусских народов Российского государства. Они, собственно, почти никогда не выделялись из общего списка учеников. Больше всего среди них в первой четверти XVIII в. было украинцев³⁶. Когда в 1705 г. в Москве собирались пожертвования на утварь для церкви Киевской академии, то из 114 жертвователей больше половины составили украинцы — ученики московской Академии³⁷. В 1709 г. в классе философии, где

²⁰ Об этом говорил сам Семенов в расспросе в Посольском приказе (опубл. С. А. Белокуровым в «Чтениях ОИДР», 1908, т. 1, стр. 34).

²¹ Он указан среди учеников, получивших дачу от патриарха в 1691 г. (ЦГАДА. Приказные дела старых лет, ф. 141, 1691, № 8, л. 1).

²² М. Семеновский. Указ. соч., стр. 71.

²³ С. К. Смирнов. Указ. соч., стр. 44.

²⁴ Там же, стр. 47.

²⁵ См. В. И. Татишвили. Грузины в Москве, Тбилиси, 1950; А. С. Хаканов. Очерки по истории грузинской словесности, вып. 3, М., 1901, стр. 98.

²⁶ ЦГАДА, Греческие дела, ф. 52, 1693, № 34, л. 4; «Материалы», т. 1, стр. 1045.

²⁷ См. ЦГАДА, Греческие дела, ф. 52, 1693, № 8, л. 79об.; «Материалы», т. 1, стр. 1044.

²⁸ ЦГАДА, Австрийские дела, ф. 32, 1692, № 1, л. 1.

²⁹ Там же, Сенат, ф. 248, кн. 27, л. 148.

³⁰ ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 1, № 108, лл. 12об.—13.

³¹ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 689, л. 291.

³² ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 1, № 108, л. 12об.

³³ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 27, лл. 148—151.

³⁴ Там же, Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, л. 24.

³⁵ ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 1, № 628, л. 3.

³⁶ Из украинцев, обучавшихся в Славяно-греко-латинской академии в XVII в., пока известен один только Иона, присланный учиться в Москву сочавским митрополитом.

³⁷ И. Петров. Значение Киевской Академии в развитии духовных школ в России с учреждения Св. Синода в 1721 г. и до половины XVIII в. «Труды Киевской Духовной Академии», т. 4, Киев, 1904, стр. 535—536.

учились 21 человек, 16 были украинцами, а в классе богословия были одни только украинцы³⁸. Это может показаться странным, так как на Украине в Киеве была своя академия, основанная еще в 30-е годы XVII в. Объяснение такому явлению, как нам кажется, можно найти только связав его с возобновлением в 1701 г. «латинских учений», прерванных в 1694 г. после удаления из Академии Лихудов. Приехавшие в связи с этим киевские учителя привезли с собой и студентов. На это есть прямое указание в донесении одного из иезуитов, живших в Москве в это время: «Скоро начнут обучать философии и богословию, призвав из Киева не только учителей, но и учеников»³⁹. В результате старшие классы (философии и богословия) пополнили украинские ученики. Необходимость иметь и старшие классы, не дожидаясь, пока туда перейдут ученики из предыдущих классов, понять нетрудно: мы уже знаем, что в московской Академии ученики старших классов преподавали в младших, помогая учителям. Киевские ученики были в этом отношении особенно удобны, так как хорошо знали те «латинские учения», которые возобновлялись в Славяно-греко-латинской академии⁴⁰.

В Академии учились представители и других народов России. Среди учеников Академии был крещеный татарин «Мишка» Михайлов. Сам Михайлов говорил в Посольском приказе, что «он родом татарин, был купленный у старца Мелетия и после Мелетиевой смерти служил повольно у учителей в келейниках и учился грамоте». Он не только получил образование в Академии, но после этого ездил в Венецию «для научения совершенного»⁴¹. Михайлов в прошлом кабальный человек. И хотя после смерти старца Мелетия Михайлов получил свободу, он добровольно идет в келейники, т. е. в прислужники к Лихудам, с тем, чтобы получить образование. То же стремление к получению образования руководило и конюховым сыном Петром Степановым, который, по его собственным словам, «к Москве пришел... и пристал в школу к учителям греческим и учиться у них грамоте»⁴².

Наряду с такими представителями низов, в Академии учились и очень знатные люди. Среди них были: князья Одоевские, сын князя Бориса Алексеевича Голицына, дети близкого родственника патриарха Иоакима Тимофея Савелова (Петр и Тимофей)⁴³. Учился в Академии и сын видного дьяка Посольского приказа Василия Тимофеевича Постникова — Петр⁴⁴. В составе учеников Академии в XVII в. находим также детей служилых (Николай Семенов⁴⁵) и торговых (Григорий Боков⁴⁶) людей. Среди учеников Академии были и духовные лица. Уже упоминались: иеромонах грузин Киприан, иеродиакон Стефан и Дионисий, чудовский монах-переписчик Иов. Назовем еще отмеченных в книгах Патриаршего казенного приказа иеромонахов Иллариона и Петра⁴⁷.

Таким образом, состав учеников Академии был в XVII в. довольно разнообразен в социальном отношении и вовсе не ограничивался одним дворянством, как это утверждает Невилль в своем «Известии о Московии». Согласно «Академической Привилегии» в Академии учились «всякого чина, сана... люди»⁴⁸.

³⁸ ЦГАДА, Монастырский приказ, ф. 237, кн. 86, 1710, л. 1.

³⁹ «Письма и донесения иезуитов о России конца XVII — начала XVIII в.», СПб., 1904, стр. 75.

⁴⁰ К. В. Харлампович объясняет наличие украинских учеников в Академии тем, что великороссы бежали из нее. («Малорусское влияние на великорусскую церковную жизнь», т. I, Казань, 1914, стр. 647). С этим нельзя согласиться: среди беглых учеников были равно и русские и украинцы (см. ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 8, № 8, лл. 12об.—13об.).

⁴¹ ЦГАДА, Греческие дела, ф. 52, 1693, № 34, лл. 3—4.

⁴² М. Семеновский. Указ. соч., стр. 71.

⁴³ И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский и его время, СПб., 1891, стр. 152, сн. 1 (данные 1687 г.).

⁴⁴ Там же; «Материалы», т. I, стр. 1046, 1047 (данные 1692 и 1697 гг.). Подробнее о Постникове см. Д. Цветаев. Медики в Московской России и первый русский доктор. Историко-биографический очерк, Варшава, 1896; Е. Шмурло. П. В. Постников. Несколько данных для его биографии. «Ученые записки Юрьевского университета», вып. I, 1894.

⁴⁵ «Чтения ОИДР», т. I, 1908, стр. 84.

⁴⁶ ЦГАДА, Греческие дела, ф. 52, 1693, № 34, л. 4.

⁴⁷ «Материалы», т. I, стр. 394.

⁴⁸ ДРВ, т. VI, стр. 408.

В 1708 и 1710 гг. последовали один за другим два указа, которые должны были значительно увеличить прослойку духовного сословия в ученическом составе Академии. Эти указы предлагали детям духовенства «учиться в школах греческих и латинских». Только кончив их, они могли рассчитывать на получение какого-либо чина⁴⁹. И действительно, среди учеников Академии первой четверти XVIII в. можно найти немало сыновей духовных лиц⁵⁰.

Однако в массе своей духовенство очень неохотно отдавало своих детей в Академию, полагая, что они и без «учения» смогут занять отцовские места. Иногда, даже отдав детей в Академию, священники забирали их оттуда задолго до окончания⁵¹. Были случаи, когда дети тайно бежали к отцам, которые их укрывали. Поэтому указ 1721 г. предписывал священникам давать поручные записи о том, что их дети, отданные в Академию, будут там «неотъемлемо дондеже оные науки не окончат». В случае же нарушения поручной записи «каждый от своей церкви отлучен будет»⁵².

Если «священнические» дети неохотно учились в Академии, то монахов-учеников не было почти совсем. И это несмотря на то, что указ 1723 г. предписывал собрать из всех монастырей «молодых монахов, для научения какого-либо наук возможно во оныя Славяно-греко-латинские школы». За два месяца после указа было прислано всего три монаха, из которых вскоре один отпросился, а другой бежал⁵³. Согласно списку всех обучавшихся в Академии в 1728 г., поданному ректором в канцелярию Сената, из 360 учеников оказалось только 120 представителей духовного сословия⁵⁴.

В первой четверти XVIII в., как и в предшествующее время, в Академии воспитывались представители самых различных слоев общества. Это и представители знати: князья Петр Одоевский, Александр Урусов, Федор Гагарин и другие⁵⁵, представители дворянства, шляхты, такие как Михайло Салтыков, Иван Бухаренин, Иван Даудов, Леонтой Седов⁵⁶, которые шли в Академию, желая получить гуманитарное образование. Вообще же дворяне «не жаловали» Академию. Им не по душе было то, что, как говорил В. Н. Татищев, «во оной много подлости», т. е. много училось простолюдины. Поэтому считалось, что в Академии «шляхеству и учиться небезвредно»⁵⁷. И в самом деле, в составе учеников Академии в первой четверти XVIII в. находились: сын помещика Федор Ширинков, сыновья стряпчего Иван и Федор Суровцевы, сын мастера московской типографии Александр Чернышов⁵⁸, дети слуг, мастеровых, солдат, крестьян; в 1729 г. на общее число учеников — 259 человек — представителей простолюдины по списку, поданному из Академии в Сенат, было 128 человек. Значительную часть учеников составляли солдатские дети: в 1729 г. их число равнялось почти $\frac{1}{3}$ всех учеников (79 человек)⁵⁹. Некоторые из солдатских детей поступали в Академию после окончания русской школы, которая была учреждена для них в Преображенском⁶⁰.

К сожалению, мало сведений сохранилось о крестьянских детях — учениках Академии. Один из обнаруженных документов свидетельствует, что в 1724 г. в Академии учился сын крестьянина Калязинского монастыря Иван Герасимов. О другом крестьянине узнаем из челобитной, поданной в 1721 г. в Монастырский приказ «канцелярии провиантских дел комиссаром» Михеем Небольсиным, который просил «сыскать в монастырский приказ к распросу беглого его человека Алексея Михайлова сына Литвинова»⁶¹.

Итак, Славяно-греко-латинская академия была всесословным учебным заведением. Но, хотя двери Академии и были открыты «для людей всякого чина и сана», жизнь

⁴⁹ ПСЗ, собр. 1, т. IV, стр. 401, 681.

⁵⁰ ЦГАДА, Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, лл. 52, 54, 63, 68, 71.

⁵¹ Там же, л. 52.

⁵² Там же, л. 16.

⁵³ ПСЗ, собр. 1, т. VIII, стр. 804.

⁵⁴ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 689, лл. 291—294об.

⁵⁵ Там же, Разрядные вязки, ф. 210, в. 35, л. 123, л. 3об.

⁵⁶ Там же, л. 3; в. 54, д. 26, л. 2; Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, л. 46об.

⁵⁷ В. Н. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. «Чтения ОИДР», 1887, кн. 1, стр. 116—117.

⁵⁸ ЦГАДА, Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, лл. 67об., 48, 55.

⁵⁹ Там же, Сенат, ф. 248, кн. 689, лл. 291—292.

⁶⁰ Там же, Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, л. 81.

⁶¹ Там же, лл. 74, 29.

этих людей в Академии была не одинакова. Особенно показательно в этом отношении материальное обеспечение учеников. Еще в Богоявленской школе Лихудов, непосредственной предшественнице Академии, княжеские дети получали по золотому, а «простые» — по полтине⁶². В Академии в XVII в. ученики одного и того же класса (высшего или среднего) получали: одни по 6, а другие по 4 деньги на день⁶³. Еще более резкое различие делалось при единовременных дачах, которые ученики получали от патриарха за поздравительные «орации» (по случаю какого-либо праздника). Например, 28 декабря 1687 г. было выдано: князю Голицину — 3 золотых, Тимофею и Петру Савеловым — по 2 золотых, тогда как остальным — незнатным — только по 1 золотому⁶⁴. 27 декабря 1692 г. простые ученики получили от 1 золотого до 1 ефимка, тогда как упоминавшийся уже нами сын видного дьяка Посольского приказа Петр Постников — 3 золотых⁶⁵.

Но не только неодинаковое материальное обеспечение учеников Академии отражало социальное неравенство в их среде. Это неравенство пронизывало всю жизнь Академии. Обучаясь в Академии, ученик-простолудин вынужден был и здесь прислуживать. Мы уже знаем, что бывший кабальный человек Михайлов служил келейником у Лихудов. Весьма красноречиво о подобных явлениях говорит и жалоба, поданная в Сенат в 1715 г. учениками младших классов. Ученики жаловались, что с некоторыми из них учителя обходятся как с «полоняниками» и используют их для «работы на поварню и на дневальные и на иные услуги... насильством, и для того им ученикам в учении чинится помешка». Эти ученики, несомненно, происходили из низших сословий: не случайно в жалобе имеется ссылка на то, что в Академии разрешено учиться «всяких чином детем и неимущих чинов»⁶⁶. Об эксплуатации учеников доносил в Синод в 1722 г. и сам ректор, предлагая узаконить следующее правило: «Учитель ниже своих, ниже иных учеников не должны насильно брать себе в службу»⁶⁷. Просьба ректора была оставлена без внимания: Синод мало интересовало положение учеников, «неимущих чина».

Но самым тяжелым в жизни этих учеников было то, что они могли быть в любую минуту оторваны от обучения в Академии. Еще Лихуды отдали сына конюхова Степана приезжему епископу Арсению «для работы»⁶⁸. В первой четверти XVIII в. под постоянной угрозой быть взятыми в армию учились в Академии солдатские дети. Каждый год ректор должен был отсылать в Преображенский приказ особую роспись этих учеников⁶⁹. И действительно, в 1723 г. в матросы было взято пять человек. В этом же году «драгунского полку солдат» Иван Лебедев жаловался в Синод на то, что «сына его Михайлу, который записан в славяно-греко-латинские школы велено прислать в ...контору для приверстания в солдаты». Протест ректора против таких явлений остался также без последствий⁷⁰.

По первому требованию их владельца могли быть взяты из Академии крестьянские дети. Так случилось, например, в 1721 г. с упоминавшимся уже беглым крепостным Алексеем Литвиновым⁷¹. Следует, однако, отметить и некоторые особенности в отношении правительства к беглым крестьянам, учившимся в Академии, как, впрочем, и в других учебных заведениях. 25 сентября 1722 г. в Академию был прислан указ, гласивший, что «...которые имеются тамо беглые... их до Его Императорского Величества указу возвращать не велено»⁷². Таким образом, этим ученикам давалась отсрочка, что весьма характерно для петровского времени, с стремлением его деятелей к распространению специального образования. Однако в крепостнической России образование не могло дать и не давало свободы. Рано или поздно крестьяне, пусть и обучавшиеся в Академии, должны были вернуться к своим хозяевам.

⁶² «Материалы», т. I, стр. 401.

⁶³ М. Сменцовский. Указ. соч., стр. 71. С. К. Смирнов. Указ. соч., стр. 41.

⁶⁴ И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 152.

⁶⁵ «Материалы», т. I, стр. 1046.

⁶⁶ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 17, л. 534об., 532.

⁶⁷ «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Правительствующего Синода» (далее «Описание архива Синода»), т. II, ч. 2, СПб., 1878, стр. XXIV.

⁶⁸ М. Сменцовский. Указ. соч., стр. 71.

⁶⁹ ЦГАДА, Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, лл. 7, 89.

⁷⁰ ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 4, № 748, лл. 1, 2.

⁷¹ ЦГАДА, Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, л. 29.

⁷² Там же, л. 31об.

После смерти Петра, в 1727 г. был издан указ, по которому «солдатских, помещиковых, вотчинных и крестьянских детей» запрещено было принимать в Академию. Весьма знаменательно, что после этого указа ректор писал в Синод: вследствие указа «число учеников зело умалилось и учения распространение пресекольсь»⁷³.

Несмотря на то, что Академия находилась под контролем церкви, а большинство ее учителей были духовными лицами, она не являлась в начальный период своего существования специальным духовным учебным заведением.

Больше всего Академия выпускала, пожалуй, переводчиков. Не случайно в ней особое внимание уделялось изучению языков. Уже многие ученики Лихудов слыли за искусных переводчиков⁷⁴. Наиболее выдающимися среди них были Федор Поликарпов и Николай Семенов, которые, еще обучаясь в Академии, успешно занимались переводами. Ими совместно с другим учеником Академии Алексеем Кирилловым был переведен с греческого ряд сочинений Лихудов⁷⁵. Впоследствии Поликарпову приходилось делать много переводов как директору Московской Синодальной типографии; этот пост он занимал с 1708 по 1730 г., а Семенову — как работнику Посольского приказа. Много переводчиков дала Академия в первой четверти XVIII в. Приведем несколько примеров. В 1716 г. русский резидент в Вене Веселовский договорился в Праге с двумя иезуитами о составлении латино-русского и русско-латинского словарей. По просьбе самих иезуитов в помощь им были присланы два ученика Академии: Иван Воейков и Максим Суворов вместе с префектом Феофилом Кроликом⁷⁶. В 1717 г. 10 учеников были посланы для перевода книг в Амстердам⁷⁷. Воспитаник Академии Иван Ильинский в течение нескольких лет помогал волошскому господарю Кантемиру в переводе «нужнейших вещей с турецкого на русский язык» через латинский язык⁷⁸.

Из Академии выходили и работники типографий. Вместе с Федором Поликарповым в типографии работали и другие ученики Академии: Федор Герасимов, Иосиф Афанасьев, Карп Федоров, Никита Афанасьев, Алексей Кириллов и Андрей Иванов, а также кончивший Академию в начале XVIII в. Максим Суворов⁷⁹. Ученики Академии работали в типографиях обычно в качестве «справщиков»⁸⁰.

Немало учеников Академии становились преподавателями. При этом некоторые оставались учителями в самой Академии. Выше уже говорилось о преподавательской деятельности в Академии Семенова и Поликарпова. В начале XVIII в., после возвращения из Парижа, в Академии преподавали бывшие ее ученики Тарас Постников и Иван Горлецкий⁸¹. Академия давала учителей и для славяно-российских школ в провинции⁸². Один из таких учителей известен по имени — это Дмитрий Герасимов, преподававший в школе Нижнего Новгорода⁸³. Несколько учеников Академии были посланы в 1724 г. в новоорганизованные калмыцкие школы⁸⁴. Ученики Академии были также среди домашних учителей у знати⁸⁵. Академия давала учителей и для славянских стран: в 1722 г. в Сербию должны были поехать Тарас Постников и Иван Каргопольский (по каким-то причинам этого не произошло), а в 1724 г. туда поехал бывший ученик Академии Суворов, посланный «для учения детей славенского и латинского языков»⁸⁶. Несколько человек было отправлено в Сербию и в 1727 г.⁸⁷.

⁷³ Н. Розанов. Ломоносов в Славяно-греко-латинской Академии. «Странник», 1911, № 1, стр. 645.

⁷⁴ См. «Письма митрополита Новгородского Иова». «Странник», 1861, № 2, стр. 37.

⁷⁵ И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 150 (сн. 3), 154.

⁷⁶ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 530, лл. 105—122; «Описание архива Синода», т. 1, СПб., 1868, стр. 353.

⁷⁷ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 52, л. 111.

⁷⁸ Там же, кн. 530, л. 110.

⁷⁹ С. Браиловский. Ф. П. Поликарпов, директор Московской типографии. ЖМНП. 1894, сентябрь, стр. 20—24, и 295; ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 5, № 561, л. 3.

⁸⁰ «Описание архива Синода», т. III, СПб., 1878, стр. 56.

⁸¹ ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 3, № 1038, л. 32.

⁸² См. роспись «В какие чины ученики произведены», присланную в Сенат в 1728 г. (ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 689, л. 296об.).

⁸³ ЦГАДА, Заиконоспасский монастырь, ф. 1189, № 1, л. 60.

⁸⁴ «Описание архива Синода», т. III, стр. 194.

⁸⁵ ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 3, № 1038, л. 32об.; П. Пекарский. Наука и просвещение при Петре Великом, т. 1, СПб., 1862, стр. 112.

⁸⁶ ЦГИАЛ, Синод, ф. 796, оп. 3, № 1038, лл. 4—5об.; 3об.

⁸⁷ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 689, л. 296об.

По имеющимся сведениям, никто из учеников, окончивших Академию в XVII в., не становился духовным лицом. Если из Академии и выходили дьяконы и священники, то в таком сане они и поступали в нее. В первой же четверти XVIII в. выходившие из Академии духовные лица отнюдь не составляли большинства выпускников. Так, в 1727 г. в «духовный чин» была произведена всего $\frac{1}{4}$ часть учеников, кончивших Академию⁸⁸. В 1718 г. на всю Москву было лишь пять священников, которые «учились в московских школах»⁸⁹.

В заключение отметим, что из Славяно-греко-латинской академии вышли многие видные деятели русской культуры конца XVII — начала XVIII в., такие как Федор Поликарпович Поликарпов — не только директор Московской типографии и известный переводчик, но и автор многих оригинальных учебников («Букварь» 1701 г. и «Грамматика» 1721 г.) и исторических сочинений («Русская история» и «Историческое известие о Московской Академии»); поэт Карион Истомин; знаменитый поэт, сатирик и дипломат первой половины XVIII в. Антиох Дмитриевич Кантемир; первый русский доктор медицины Петр Васильевич Постников; выдающийся русский математик Леонтий Филиппович Магницкий.

⁸⁸ ЦГАДА, Сенат, ф. 248, кн. 689, л. 291.

⁸⁹ Там же, кн. 530, л. 283.

